

СИЛЬВИЯ ФРОЛОВ

ДЗЕРЖИНСКИЙ
Любовь и революция

Издательство АСТ
Москва

УДК 929(47+57)
ББК 63.3(2)6-8
Ф91

Фролов, Сильвия.

Ф91 Дзержинский. Любовь и революция. — Москва: Издательство АСТ, 2017. — 416 с.: ил. — (К столетию революции).

ISBN 978-5-17-090486-0

Я верю только в учение Христа (...) Верю, что Бог наш Иисус Христос — это любовь. Иного Бога, кроме него, у меня нет — писал Дзержинский: польский шляхтич, родственник Юзефа Пилсудского, кристально честный человек, любящий отец, заботливый брат и благодетель детей-сирот. Тот, кто сделал головокружительную карьеру на службе большевистскому режиму, кто руками подчинённой ему ВЧК истребил сотни тысяч людей и привёл к власти Иосифа Сталина, чтобы потом горько об этом пожалеть.

Первая в свободной Польше многогранная и во многом неоднозначная биография Железного Феликса. В книгу включены ранее нигде не публиковавшиеся письма Дзержинского родным и любовные признания, адресованные любовницам — перехваченные службой государственной безопасности и скрытые на несколько десятков лет в совершенно секретных московских архивах, чтобы не допустить скандала.

УДК 929(47+57)
ББК 63.3(2)6-8

ISBN 978-5-17-090486-0

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2017

*Я начинаю любить человечество по образцу Марата:
Чтобы осчастливить самую малую его часть,
Я, наверное, был бы готов уничтожить остальных
огнем и мечом.*

Виссарион Белинский, 1841

НАСКОЛЬКО МИФИЧЕН МИФ

Вступление

Представим себе процесс над Феликсом Эдмундовичем Дзержинским. Возможно, он выглядел бы так?

— Высокий Суд, вы все, наверное, слышали о случае, который произошел в кабинете начальника ВЧК на Лубянке в начале сентября 1918 года. Сразу после покушения на Ленина. — Прокурор поднял руку и, жестикулируя, стал в красках описывать ту сцену: — Фанни Каплан, молодую женщину, которая пыталась убить вождя революции, привели в кабинет товарища Дзержинского. Там её ждали трое мужчин. Дзержинский сидел за столом и курил, комиссар Жерсон стоял посреди кабинета, засунув руки в карманы, а пожилой чекист с азиатскими чертами, по-видимому, китаец, который привел арестованную, встал у окна. Измученная допросами, вся избитая Каплан со стоном упала на пол. Жерсон подошел, наклонился над ней и задал какой-то вопрос, потом второй. Каплан пыталась отвечать, но речь ее была настолько невнятна и хаотична, что понять ее было невозможно. Тогда в кабинет вошел второй китаец, помоложе. Жерсон кивнул головой. Молодой китаец отдал пожилому небольшую кружку, после чего быстро подошел к Каплан. Одной рукой он схватил ее за голову, в другой сверкнул нож. Он просунул лезвие ножа между сжатыми зубами лежащей женщины. Когда же она от сильной боли разжала зубы, пожилой китаец влил ей в рот что-то из кружки — прокурор сделал небольшую паузу и обвел взглядом зал. — Каплан поперхнулась, ее лицо покраснело, потом посинело. Она стала вырываться из рук державшего ее чекис-

та, корчилась на полу, билась о доски головой, руками, ногами. Дзержинский вскочил из-за стола, не понимая, что происходит. Китаец услужливо объяснил ему, что это растопленный воск. Он застывает в горле и душит. Молодая женщина схватилась за горло, она раздирала себе ногтями рот, но не могла избавиться от воска. Дзержинский немного выждал. Потом он достал пистолет и выстрелил два раза. Первая пуля добила террористку. Вторая уложила пожилого китайца¹. Высокий Суд, так была убита Фанни Каплан — последние слова прокурор произнес так громко, что эхо, отразившись от высокого свода, прогремело над залом подобно канонаде. Многие из присутствующих инстинктивно вжали головы в плечи.

— Высокий Суд, я решительно протестую! — вскочил со своего места защитник. — Событие, которое нам обрисовал господин прокурор не подкреплено доказательствами. Все происходило как раз наоборот, — он говорил быстро, но убедительно. Было видно, что он уверен в себе и хорошо подготовлен к судебному разбирательству. Он поправил очки. — Дзержинский учил чекистов, как распознавать и обезвреживать врагов. Он требовал от них строгого соблюдения ленинских принципов революционной законности, вежливого обращения с арестованными. Когда в конце февраля 1918 года он узнал, что один из сотрудников ВЧК позволил себе грубо обходиться с арестованным, он лично расследовал это дело. В протоколе следствия он записал: «Комиссия постановила привлечь виновного к суровой ответственности и в будущем отдавать под суд каждого, кто позволит себе хотя бы дотронуться до арестованного»². Таким был Дзержинский, — защитник прервал свою речь, так как его слова вызвали шум в зале.

— Позор! Враньё! Именно так все и было! — вперемешку раздавались выкрики людей, следивших за процессом. Кто-то громко ловил ртом воздух, кто-то встал со своего места и нервно размахивал руками, пытаясь что-то крикнуть. Зал бурлил все сильнее. — Прошу тишины, успокойтесь! — пытался вмешаться в этот хаос судья, раз за разом ударяя молотком. — Я буду вынужден прервать заседание! — Но его никто не слу-

шал. Люди в зале лихорадочно обсуждали услышанное. — Хотим правды! — слышалось со всех сторон. Публика утихомирилась лишь тогда, когда на середину зала вышли трое рослых сотрудников охраны суда, вызванные судьей.

— Вы ошибаетесь, уважаемый господин защитник! — вновь взял слово прокурор. — Высокий Суд, я позволю себе на секундочку отойти от личности обвиняемого и обратиться к учреждению, которое Феликс Дзержинский создал. Не следует забывать, — начал он — что красный террор соединил в себе маниакальную идеологию большевиков с народной культурой насилия. В личности чекиста произошел их синтез. Одичавшие матросы и солдаты, утратившие всякую меру ненависти к людям, носящим очки, образованным, с либеральными взглядами и хорошо питающимся, не представляющие себе мироустройства иначе, как непрерывное зрелище насилия, а также уголовники, хулиганы и психически больные — все они представляли собой среду, из которой ЧК рекрутировала свои кадры — на какой-то момент обвинитель остановился, чтобы проверить, какое впечатление он производит на собравшихся. После короткой паузы он продолжал: — Везде, где чекисты уничтожали классового врага во имя революции, чинились ужасающие, чудовищные злодеяния, уже полностью заслоняющие большевистскую драматургию. Жертвы бросали в кипящую воду, с живых сдирали кожу, сажали на кол, заживо сжигали или закапывали в могилы, нагими выводили на мороз и поливали водой до тех пор, пока они не превращались в ледяные статуи³. И кто должен отвечать за все эти зверства? Обвиняемый Феликс Эдмундович Дзержинский! Председатель Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем!

Услышав такое, зал застыл. Мурашки поползли по спинам людей. Теперь все взгляды были устремлены на защитника. Тот дал знак судье, что хочет говорить.

Высокий Суд, я беру на себя смелость утверждать, что обвиняемый ничего не знал о такого рода преступлениях. А

если бы знал, то наверняка запретил бы что-либо подобное, и виновные понесли бы заслуженное наказание. Согласно его указаниям вся следственная работа велась при строгом соблюдении норм революционной законности. Он не допускал никакого злоупотребления властью. Вина арестованных доказывалась на основании конкретных фактов, документов, свидетельских показаний. Невинных освобождали немедленно после проверки, им помогали найти работу и жилье⁴. По личному приказу Дзержинского! — защитник на секунду замолчал, перевел дыхание. — А что касается зверств красных, то они ничем не отличались от злодеяний, совершаемых белыми в отношении большевиков — он поднял над головой густо исписанный лист бумаги. — Например, в Воткинске белые истребили на баржах смерти порядка тысячи человек (умерщвляя по 10 человек каждый день). Арестованных расстреливали, закалывали штыками, разрывали на части. Такие же казни проводились в Ижевске. Как говорят, комендант этого города, Суворов, при этом восклицал (наверняка, преувеличивая): «...я добиваю уже четвертую тысячу коммунистов. Не расходуйте зря патроны, саблями их, поленьями!». После того, как белые вновь взяли Ижевск, колчаковцы пустили по Каме плоты с установленными на них виселицами, увешанными трупами красных — точно так, как двумя веками ранее царские воеводы поступали с казачьими бунтовщиками⁵. Уверю вас, что располагаю значительно большим количеством примеров подобного типа...

На этот раз в зале судебных заседаний поднялся такой шум, что охране суда пришлось силой вывести из зала нескольких крикунов. Чтобы успокоить собравшихся, судья объявил часовой перерыв в слушаниях.

* * *

В действительности процесса против Феликса Дзержинского никогда не было. Но если бы он состоялся, то подсудимый оказался бы под огнем всех этих обвинений. Для одних —

красный палач России, для других — кристально честный и добрый человек. С момента создания Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем — обычно называемой просто Чека — он для всех стал объектом пристального интереса.

Прежде всего, он попал под прицел польского общественного мнения, что никого не должно удивлять. С одной стороны, молоденькое польское государство после двух лет независимости было вынуждено вступить в конфронтацию с мощным врагом, который во имя новых лозунгов хотел вернуть старый великодержавный порядок, с другой — этот порядок поддерживала группа поляков во главе с польским создателем советской службы безопасности. Таким образом, неприязнь к вероятному главе Польской Социалистической Республики Советов, которым стал бы Дзержинский в случае победы большевиков в 1920 году, была вполне обоснована — но одновременно и преувеличена. Его международный портрет — это изображение с пропагандистского плаката времен варшавского сражения: красный убийца-психопат с оскаленными клыками вампира, ставший отличной питательной средой для литературы.

Сразу после смерти Дзержинского в 1926 году появились многочисленные воспоминания, главным образом на страницах периодических изданий соответствующей политической ориентации. Эти воспоминания предназначались узкому кругу читателей и отвечали их вполне понятным ожиданиям. Голод на сенсации из сфер большевистской верхушки, лучше всего в форме популярной сплетни, был настолько силен, что давал возможность проявить себя авторам криминалов и романов с любовной интригой.

Близкая к документальной книга Фердинанда Антония Оссендовского *Ленин*, изданная в 1930 году, быстро завоевала издательский рынок. Достоверность этой книге придавала биография автора, который находился в России во время гражданской войны. Ярый антикоммунист Оссендовский действи-

тельно передавал на Запад ценную информацию, взять хотя бы сведения о финансировании деятельности Ленина германским правительством, но сам Оссендовский, сотрудничая с белыми, большую часть информации получал из других рук. С новыми жильцами Кремля, которых он описал, он никогда не был знаком лично, поэтому в книге об основателе государства диктатуры пролетариата он совершенно свободно тасует факты и вымысел, размашисто орудуя пером с бесцеремонностью графомана. В наиболее отрицательном виде здесь представлен Дзержинский — в истинно голливудском стиле ужасиков про графа Дракулу. Все зло большевистской России концентрируется в этом человеке, которого Ленин презирает и к которому питает отвращение.

И в этом мнении Оссендовский был не одинок. Итальянский писатель и журналист Курцио Малапарте после посещения СССР написал беллетризованную *Легенду Ленина*, в которой упомянул, что Ленин питал к председателю ВЧК почти физическое отвращение. Принимая эту информацию к сведению, следует, однако, помнить, в какое время Малапарте посетил Россию. В 1929 году! Как раз начала раскручиваться сталинская машина террора. Новому вождю, претворявшему в жизнь собственную интерпретацию ленинизма, нужно было исключительное право на культ основателя большевистского государства. По мере нарастания очередной волны насилия — которую уже не удавалось объяснить войной — память о первом чекисте могла представлять для Сталина угрозу. Дзержинский ассоциировался с вежливостью и с бескорыстной преданностью делу — в то время как генералиссимус заполнил Лубянку лишенными стыда и совести карьеристами, выполняющими самую грязную работу, не задавая никаких вопросов. Еще в начале тридцатых годов поговаривали, что во времена Дзержинского нечто подобное трудно было себе даже представить. Сталин приходил в бешенство, когда до него доходили такие голоса. Поэтому в кулуарах он распространял слухи об отвращении, которое питал Ленин к председателю

ВЧК, а последнему он приписывал черты садиста, испытывающего удовольствие от истязания своих жертв.

Фердинанд Антоний Оссодовский, как выдающийся графоман, представлял свой персонаж, сконцентрировавшись на его физических свойствах, которые, в свою очередь, должны были объяснить личностные качества и мотивы поступков. У него Ленин ежеминутно щурил монгольские глазки, а о Феликсе автор пишет так: «Вдруг вынырнуло лицо Дзержинского. Бледное, безумное, с запавшими, холодными, раскосыми глазами, наполовину прикрытыми дергающимися веками, с жутко сведенными судорогой мышцами щек и со скривленными, запавшими губами. Лицо тихо смеялось и издавало легкое шипенье». Решения, которые этот монстр принимал в своей жизни, автор объяснял просто: «Он горел ненавистью ко всему миру. Мечтал отомстить всему живому и всему, что было создано живыми существами. Он жаждал видеть вокруг себя кровь, тела убитых и замученных, кладбища, руины и пожарища и над всем этим — смертельную тишину»⁶. Еще больше пикантности добавляет сцена, когда Дзержинский угрожает Ленину, что убьет его и захватит власть, если тот не подпишет декрет о его назначении вождем коммунистической Польши. И мысль о том, что жажда власти, без сомнения, толкала его на занятие кремлевского престола. Это последнее мнение характерно только для польских авторов. Является ли это свидетельством тайных националистических желаний, чтобы именно так и произошло?

Тему «красного палача» с удовольствием подхватил граф Богдан Якса-Роникер, лично знавший Феликса. Осенью 1912 года они вместе сидели в Павяке, куда граф попал за убийство своего шурина (из-за имущества семьи)⁷. Этот польский Мюнхаузен, слывший кутилой и мошенником, после смерти Дзержинского быстро почуял, откуда ветер дует. Сообразив, что скоро настанет мода на пикантные истории о Дзержинском, он, не стесняясь, стал навещать сестру Феликса Альдону Кояллович и вытягивать из нее рассказы об их семье, чтобы

потом подогнать их к заранее выдуманному сюжету. Альдона же — всю жизнь чувствовавшая себя обязанной заботиться о брате и нести ответственность за его поступки, переживавшая муки из-за мифа о палаче России — не ожидая подвоха, с благодарностью принимала уверения графа в его полной лояльности⁸. Позже биограф Дзержинского Ежи Охманский так отзывался о книге Якса-Роникера: «историческая правда, в том числе большое количество подлинных подробностей, не известных современным биографам, (...) переплетается с ложью, приправленной клеветой»⁹.

Граф, издав в 1933 году беллетризованную биографию *Дзержинский. Красный палач — золотое сердце*, находился под сильным влиянием книги Оссендовского. Тот же возвышенный и театральный стиль, тот же психологизм, основанный на самых дешевых приемах. По мнению графа, многие приговоры Дзержинский сам лично приводил в исполнение. Сажал людей на электрический стул или доставал из ящика стола пистолет и неожиданно стрелял в подсудимого. Это из книжки Якса-Роникера взят фрагмент о пытках и убийстве Фанни Каплан — в действительности расстрелянной комендантом Кремля Павлом Малковым. И растопленный воск перед казнью никто ей в горло не вливал.

Официальные биографии Феликса Дзержинского, написанные в период СССР и ПНР также трудно считать достоверными¹⁰. Написанные под диктовку идеологии, вычищенные цензурой и напичканные партийным новоязом, создали Дзержинскому образ «вечного огня» — как после смерти его называл Сталин. До определенного времени было запрещено затрагивать темы личной жизни, сосредоточивались исключительно на политической деятельности «несгибаемого рыцаря революции». Со временем позволили использовать семейный мотив: сначала жена и сын, затем круг сестер и братьев и, наконец, женщины — но с неизменным замалчиванием некоторых сюжетов. Более искренними являются личные воспоминания бывших сотрудников и товарищей председателя ВЧК, опубли-

кованные сразу после его смерти на страницах издаваемого в Москве периодического журнала «С поля боя»¹¹.

Главные биографы Дзержинского поляки Ян Собчак и Ежи Охманский придерживаются фактографии и хронологии. Многое они берут у советских биографов, но радикализм последних они заменяют эвфемизмом или очередным замалчиванием. Зато они упоминают о том факте, что свадьба Феликса и Софьи Мушкат-Дзержинской состоялась в католическом костеле. Под конец жизни Софья тоже написала книгу, посвященную мужу: *В годы великих боев*. Но ее воспоминания неровны. Они писались в Советском Союзе и не самостоятельно, а при участии ассистентов. Первая часть, посвященная польскому периоду и эмиграции, написана значительно более живым и интересным языком. Несмотря на идеологическую направленность, она имеет обаяние личной исповеди. Вторая часть — это всего лишь пропагандистские высказывания большевистской активистки.

После сорока пяти лет реального социализма — включая самый тяжелый сталинский период, когда культ товарища Дзержинского навязывался его соотечественникам силой — вместе с демократией девяностых годов в Польше возродились санационные* симпатии и антипатии. Вновь появились книги Оссендовского и Якса-Роникера — ранее запрещенные, а теперь принимаемые на веру, несмотря на новые предисловия, рекомендующие с осторожностью подходить к оценке этой литературы. Что касается мифов о Дзержинском, то многим было не по себе от его происхождения. Невозможно было поверить, что польский шляхтич мог отречься от католической самоидентификации в пользу интернационализма и атеизма. Надо было состряпать ему новую биографию. Самым простым было сделать из него еврея, создателя жидокоммуны, используя второе имя его отца — Руфин — в качестве дока-

* Санация: в буржуазной Польше — лагерь сторонников Пилсудского. — *Прим. перев.*

зательства еврейских корней. Это нелогично, потому что это имя имеет латинское происхождение, а покровительствует ему святой Руфин Аквилейский. Миф оказался, однако, настолько убедительным, что дожил и до нашего времени. Как ни в чем не бывало, он особенно хорошо чувствует себя в интернете.

В 1993 году вышла биография Феликса Дзержинского авторства Ежи Лонтки под примечательным названием *Кровавый апостол* — первое исследование, проведенное в независимой Польше. Работа скорее журналистская, чем историческая, с попыткой психологического анализа. Но с ее опубликованием Лонтка имел проблемы. Несколько издателей отказались ее печатать, несмотря на положительные рецензии. По всей видимости, еще было не время. Польша сбрасывала с себя коммунистическое прошлое, все внимание было сосредоточено на инфляции, приватизации и безработице. Отчета требовали от живых. Бетонный Дзержинский, стоявший на Банковской площади в Варшаве, был символически свергнут 16 ноября 1989 года. Он развалился на три части, которые были перевезены на хранение под варшавским мостом Грота-Ровецкого. Казалось, что народу этого было достаточно. С отвращением отряхнули руки. И с удовольствием от того, что «вечный огонь» погас навсегда.

Тело Феликса Дзержинского до сих пор лежит у изголовья Ленина на Красной площади в Москве. Его портреты все еще висят в отделениях российской полиции. А история этого человека продолжает вызывать крайние эмоции. По крайней мере, в Польше. Это одна из причин, по которым я решила взяться за эту тему заново — одна, но не единственная. Эта книга является для меня также своего рода личным отчетом: все мое детство прошло на улице, соседней с улицей Ф.Дзержинского — очень длинной, наверное, самой длинной в Кракове. Для меня она тогда была улицей без конца*. Если

* Улица без конца... В 1952 году улицу Юлиуша Лео в Кракове переименовали в улицу Феликса Дзержинского. По соседству с этой улицей автор провела все свое детство.

бы в то время мне задали вопрос: кем был Феликс Дзержинский? — я бы ответила: плохим человеком. Хотя мне никто этого не говорил. Я не имела ни малейшего понятия, как он выглядел. Он был всего лишь набором букв на синих уличных табличках. Но я знала одно — в с е вокруг меня происходило из-за этого человека. Даже я сама была из-за него. Если бы не он, то ни мой русский дедушка, рожденный в Харбине, ни моя польская мама, рожденная в Вильно (Вильнюс. — *Прим. перев.*), не поселились бы в Кракове. И, несмотря на это, я ненавидела Дзержинского. За что? За то, что Чеслав Милош в *Порабощенном разуме* назвал «неотвратимостью новой системы». Я, конечно, не могла знать, что такое «система», тем более «неотвратимость» и «порабощение». Даже прилагательное «новая» звучало абстрактно, потому что другой системы я не знала. Для меня она ассоциировалась с неисполнимой мечтой поест бананов, невозможностью выезда за границу, кошмаром горно-металлургической академии в Кракове, с тяжелой атмосферой лжи, отравлявшей воздух не меньше, чем трубы металлургического комбината в Новой Гуте. Все это породило сознание того, что на этой улице без конца я никогда не дождусь конца. Даже если бы появился и более личный повод ненавидеть Дзержинского. Но об этом я узнала спустя годы, когда мне представился случай прочитать его телеграмму от 16 ноября 1920 года, направленную председателю симферопольской ЧК Василию Манцеву. Дзержинский писал в ней: «Сделайте все, чтобы из Крыма не ушел на материк ни один белогвардеец»¹². Около недели спустя, 22 ноября, чекистская тройка под председательством Манцева приговорила к смерти 857 воинов армии Врангеля. Приговор приведен в исполнение. Среди них был мой прадед полковник Матвей Матвеевич Фролов.

Улицы Дзержинского в Кракове давно уже нет. Есть, как до войны, улица Юлиуша Лео, президент города в начале XX века. Я давно уже не ребенок. И все было бы хорошо, если бы не чувство дискомфорта, которое не исчезло вместе со старой

табличкой. Не исчезло, потому что двадцать лет независимости привели нас к горькому выводу: снос памятников не отпугнет демонов истории. Потому что их натура — это натура чудовищного Господина Когито** — они как огромная депрессия, раскинутая над страной. И время от времени они будят нас извержением сообщений о происходящих событиях, как притихший на мгновение вулкан.

У меня тоже было свое чудовище. И спустя годы я посчитала, что пришло время вызвать его на грешную землю. Посмотреть в эти чудовищные глаза, проанализировать и назвать по имени, а потом запихнуть в рамки конкретной дефиниции. Но по мере того, как я углублялась в тему, мне становилось ясно, что моему чудовищу не так просто дать определение. Я кружила в свете мифов, стереотипов, исторической лжи и правды, часто с трудом отличая добро от зла и с нарастающим любопытством ставя новые вопросы. Ибо мое чудовище было удивительным! Упаси, Господи, не с точки зрения идеологического выбора — такой выбор был далек от моего. Речь шла, скорее, о сложных переплетениях судьбы на фоне истории, о психологическом контексте, о попытке понять, почему обычный польский шляхтич, воспитанный в католической романтической атмосфере, сам очень религиозный, выбрал коммунизм и реализовывал эту идею самым кровавым из возможных способом. Почему он стал полной противоположностью другого польского шляхтича, воспитанного в точно таких же условиях и с которым он породнился посредством супружества племянника и племянницы, человека, тоже сделавшего ставку на социализм, но успевшего в важный для Польши момент сойти на остановке "Независимость". Я испытывала при этом крайне противоположные эмоциональные состояния — я начинала Дзержинского любить, потом вновь ненавидеть, в зависимости от материалов, к которым я обращалась. Я пере-

* Господин Когито — персонаж поэзии Збигнева Херберта — польского поэта, драматурга, эссеиста (1924 — 1998) — *Прим. перев.*